

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

Н.С. Данакин

Одна из глубинных тенденций эволюции современной социально-гуманитарной науки, да и не только науки, но и массового сознания, всего отечественного менталитета – смысловое смещение гносеологических и практических ориентиров в сторону поиска ответов на вопросы, как успешно повлиять на значимые социальные ситуации и процессы, как склонить их в свою пользу, как добиться профессионального, жизненного успеха.

В условиях тоталитарного режима эти вопросы даже не возникали, а если и возникали, то автоматически переводились в предписанные алгоритмы социальной герменетики и социального поведения. Общество в лице государства брало на себя ответственность и гарантии целесообразности и разумности подобных действий. В нынешних общественных условиях люди находятся в ситуации смысловой и прагматической неопределенности своих действий, в ситуации отсутствия дельфийского оракула, вещающего «что такое хорошо» и «что такое плохо», что можно делать и чего нельзя. Люди растеряны, стремятся уйти с зыбкой почвы бесконечных альтернатив и ступить на твердую почву социальной определенности и однозначности. Продолжающийся экономический и политический кризис отнюдь не способствует этому переходу. Но дело даже не в кризисе, а в изменении онтологического статуса человека, личности в современном российском обществе. Он стал, или по крайней мере становится, свободным человеком, свободным в выборе места работы, жительства, материальных и духовных ценностей, короче говоря, свободным в личностном самоопределении и личностной самореализации. Некоторые наши соотечественники, правда, уже не хотят такой свободы, требуют: «Назад к Брежневу!» или даже: «Назад к Сталину!» Воспользуемся в связи с этим мыслью Герцена «Нельзя людей освобождать к наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя, чем дар излишней свободы». Поучительные слова!

Уже не в первый раз в нашей отечественной истории появляется такое диковинное новообразование, когда одна часть социального явления старательно вводится в жизнь, а о второй части даже и не думают. Получается что-то вроде стула с двумя ножками, на котором удавалось до сих пор сидеть только циркачам. Если вернуться к свободе личности, то она немислима без ее ответственности, без умения распоряжаться этой свободой. Свобода и ответственность – это, говоря языком диалектики, органическое единство противоположностей. И парадокс в том, что мы, преуспевшие в преподавании диалектической философии, в реальной жизни поступаем совсем наоборот – сплошь и рядом метафизически. Вводим свободу без ответственности, внешнюю свободу без внутренней, мысль без действия, чувство без дела. Сколько лет пытались формировать у рядового труженика чувство хозяина без хозяйского дела, без реальной позиции хозяина. Так и с ответственностью и свободой. Ответственность – это не только чувство ответственности и понятие ответственности, но и прежде всего ответственное отношение человека к делу, к своим действиям и поступкам. Свобода, точно так же, – это не просто чувство и понятие свободы, но и умение распоряжаться и пользоваться свободой. Наш мудрый соотечественник Михаил Пришвин написал по этому поводу: «Всем научились пользоваться люди, только не научились пользоваться свободой. Может быть, бороться с нуждой и крайней необходимостью гораздо легче, чем со свободой. В нужде люди закаляются и живут мечтой о свободе. Но вот приходит свобода, и люди не знают, что с ней делать». Вот уж действительно пророческими оказались слова писателя по отношению к нынешнему состоянию российского общества.

А это состояние характеризуется невероятным разрывом трех основных жизненных структур человека: структуры жизненных условий, когнитивно-чувственных структур и практических структур. Жизненные условия большинства россиян сейчас таковы, что не поддаются ни рациональному объяснению, ни практическому воздействию, а если и поддаются воздействию, то неизвестно, в каком направлении действовать, а если, наконец, известно направление действия, то непонятна технология его осуществления.

Сказанное подводит нас к вопросу о формировании социально-технологической культуры мышления и действия. Формирование социально-технологической культуры мы рассматриваем как важнейшее направление духовного оздоровления общества, образования ментальности, адекватной не только восприятию, но и решению жизненных задач нынешнего поколения россиян.

Что такое социально-технологическая культура? Что за панацея от наших ошибок и бед? Уже в традиционном толковании технологии выделяются три ее существенных момента: 1) совокупность операций, 2) определенная последовательность операций, 3) определенные способы осуществления операций. Эти моменты относятся к любой технологии – от технологии власти до технологии электросварки.

Они образуют в совокупности технологический регламент, который задает определенные параметры осуществления соответствующего процесса или деятельности (действия). Тот специалист, который осуществляет процесс или деятельность согласно технологическому регламенту, обладает, можно сказать, соответствующей технологической культурой. Технологический регламент – та нормативная база, которая позволяет судить о наличии или отсутствии технологической культуры.

Технологическая культура не сводится при этом к технологическим знаниям. Во-первых, это не только технологические знания, но и технологические умения, т.е. умения применять знания на практике. Во-вторых, технологическая культура – это не просто совокупность технологических знаний, а интегрированная система знаний, способная к саморазвитию. В-третьих, технологическая культура – это определенный стиль мышления, приводящий в движение эту систему знаний. В-четвертых, технологическая культура предусматривает знания не только о реальных, но и о возможных, вероятных ситуациях. В-пятых, технологическая культура – это и определенная установка на восприятие и интерпретацию значимых явлений, фактов.

Технологические знания – технологическое мышление – технологическая культура. Такова, по нашему мнению, восходящая последовательность уровней технологической подготовки специалистов. К сожалению, нередко эта подготовка застревает на первом уровне, и тогда возникает парадоксальная ситуация: у специалиста есть технологические знания, но нет ни технологического мышления, ни технологической культуры.

Эффект, достигаемый благодаря соблюдению технологического регламента, выражается в терминах «технологичность», «технологический». Технологический – значит изготовленный наиболее простым и экономичным способом, а в широком смысле – осуществляемый (выполняемый) наиболее простым и экономичным способом.

Нацеленность на технологический эффект и соблюдение технологического регламента – две основные составляющие технологической культуры специалиста – механика, экономиста, менеджера.

Любая профессиональная деятельность осуществляется в контексте определенного социального взаимодействия. Социальное взаимодействие является при этом или предметом (объектом), или условием ее осуществления. Предметом деятельности выступает оно, скажем, для социального педагога или менеджера по управлению персоналом, условием деятельности – для финансиста или главного инженера предприятия. Безотносительно к статусу социального взаимодействия, с ним приходится считаться при осуществлении любой

профессиональной деятельности, только в одной – больше, а в другой – меньше. Фактор социального взаимодействия или благоприятствует успешному осуществлению профессиональной деятельности, или, напротив, препятствует ему. И все зависит от того, насколько мы догадываемся об этом факторе, насколько правильно оцениваем его действие и последствия этого действия и, главное, насколько удачно интегрируем его действие в процесс целенаправленной деятельности. Незначительную часть ситуаций образуют те, где успеха можно добиться при непонимании фактора социального взаимодействия или его игнорировании. В подавляющем большинстве ситуаций успех зависит от того, насколько точно и своевременно учтен этот фактор.

С пониманием и учетом фактора социального взаимодействия при осуществлении профессиональной деятельности связана социально-технологическая культура специалиста.

Для современного специалиста, если принять за критерий достаточности его технологические знания, не хватает технологического мышления и технологической культуры, а еще в большей степени – социально-технологического мышления и социально-технологической культуры. Да и откуда им взяться, если этому не учили и не учат. А то, к чему приводит социально-технологическая некомпетентность, вполне очевидно. Скажем, в чем причина неудачи реформаторской деятельности Е. Гайдара, А. Чубайса, Б. Немцова? Все они высокообразованные и знающие люди, обладающие высокой технологической культурой, но увы, не социально-технологической культурой. Проектирование и осуществление реформ при полнейшем игнорировании фактора социального взаимодействия, признании человека исключительно в роли средства, ресурса достижения реформаторских целей – все это обрекло их на провал. Радужные проекты реформаторов обернулись нищетой для миллионов. Известный экономист и писатель Николай Шмелев отозвался одним словом о смысле реформ Гайдара – Чубайса – «жестокость». Да, именно, жестокость и беспощадность авторов и исполнителей «шоковой терапии» по отношению к российскому народу.

Мы не против реформ и не за восстановление тоталитарного режима. Мы – за высокую социально-технологическую культуру проектирования и осуществления реформ. Древний автор написал: «Сначала человек, а потом искусство, и нет искусства, если нет сначала человека». Аналогичное можно сказать и об экономических реформах: сначала человек, а потом реформы, и нет реформ, пока нет сначала человека. Один, смотря на человека, видит в нем реформу; другой смотря на реформу, видит в ней человека. Таковы полюсы узко-технологического и социально-технологического взглядов на людей и на их деятельность.

Социально-технологическая культура (сокращенно СТК) – это определенная система знаний, установок (диспозиций) и действий. В этой системе мы выделяем, как минимум, четыре подсистемы: функционально-целевую, нормативную, операционно-процедурную и инструментальную. Поскольку базовым элементом, понятием для социальной технологии выступает социальное действие, то попытаемся именно посредством него пояснить содержание указанных подсистем.

Функционально-целевая подсистема социальной технологии и социально-технологической культуры включает:

понимание множества функций осуществляемого действия в системе субъектно-объектного взаимодействия, иначе говоря, понимание того, как влияет или может повлиять осуществляемое нами действие на интересующий нас объект;

четкое представление о предмете технологического воздействия, о том, на что конкретно направлено воздействие. Объект и предмет воздействия – это, как известно, не одно и то же. Предмет воздействия – это своего рода точки приложения сил, которые мы находим в объекте воздействия. В одном случае ими могут быть знания человека, уровень его осведомленности, в другом – психологические установки, в третьем – поведенческие стереотипы;

четкое представление о масштабе возможных изменений в объекте воздействия. Даже отдельные люди различаются этим масштабом: одни открыты для изменений, другие закрыты напрочь;

четкое понимание собственных целей, их правильная формулировка, обеспечение их адекватности возможным функциям осуществляемого действия. Цель может быть и высокой, но функционально неосуществимой;

четкое представление о предполагаемых и возможных результатах осуществляемого действия, а также о его вероятных последствиях.

Нормативная подсистема СТК – это понимание того, что можно, а чего нельзя при осуществлении социального действия. Смысл данной подсистемы можно проиллюстрировать таким сравнением. Инженеры, проектируя жилой дом, постоянно обращаются к строительным нормам и правилам (СНиП), рассчитывают допускаемые нагрузки, выбирают соответствующие материалы и конструкции и передают с уверенностью готовый проект и рабочие чертежи строителям. Наличие научно обоснованной базы строительства позволяет, с одной стороны, придать ему индустриальный характер, а с другой – исключить или свести к минимуму строительные ошибки. Грамотный специалист хорошо знает, как нужно строить, а как нельзя. А теперь представьте себе, что произошло бы, если бы строители, не обременя себя научными знаниями, действовали методом «проб и ошибок». Этого даже невозможно себе представить, а вот в сфере социального взаимодействия такие действия остаются пока нормой. На ошибках учатся – так оправдываем мы беспечность в отношении результатов и последствий собственных социальных действий.

Нормативная подсистема СТК – это тоже своего рода СНиП, совокупность социальных норм и правил. Точнее говоря, она включает:

знание закономерностей того или иного социального действия. Анализ многократно совершающихся и повторяющихся социальных действий позволяет установить необходимые, устойчивые и существенные связи как в структуре самого действия, так и в его функциональном пространстве. Так, например, социальная регуляция характеризуется закономерностями интериоризации, смещения к саморегуляции, функционального смещения, статусной дифференциации, популяционного гомеостаза. Знание этих закономерностей задает границу возможного и невозможного в социальном действии, масштаб потенциальных изменений и меру возможных воздействий. Закономерность – это наиболее «демократичный» компонент технологического регламента, позволяющий иногда и забывать о себе, но в то же время, следуя закону, мы повышаем свои шансы на успех, забывая о нем или игнорируя его, уменьшаем собственные шансы;

знание принципов и правил социального действия. Если принцип даст общий ориентир действия, то правило предписывает, как до этого ориентира добраться;

знание ограничений и запретов, накладываемых на социальное действие. Скажем для иллюстрации, А.Макаренко в работе с колонистами запрещал упоминать об их незавидном прошлом и сам, разумеется, этого не делал.

Операционно-процедурная подсистема СТК – это представление о том, что надо делать и в какой последовательности операций. Любое действие состоит из нескольких операций, начиная со стартовой и кончая финишной. Эта подсистема предполагает:

знание операционного состава социального действия;

знание необходимого и достаточного набора операций, его экстремальных значений;

знание последовательности выполняемых операций (Лев Толстой говорил: мудрец не тот, кто знает, что делать, а тот, кто знает, в какой последовательности это делать). Если в математике сумма не меняется от перемены мест слагаемых, то в жизни это может привести к нерациональным затратам энергии, провалам.

Инструментальная подсистема СТК – это представление о том, какими средствами, способами и методами осуществляется социальное действие. Способ социального действия определяется теми средствами, которые используются при его осуществлении. Так, например, мы выделяем и описываем 15 способов социального регулирования в зависимости от используемых средств: нормативное регулирование, конвенциональное, коммуникативное, компаративное, статусное, социоэкологическое и т.п. В каждом способе выделяется и описывается в свою очередь по несколько методов. Метод – это пооперационный алгоритм использования средств действия. Так, коммуникативные средства регуляции используются в методах коммуникативного включения, коммуникативного отстранения, коммуникативной изоляции и т.д. Или, скажем, социальная профилактика осуществляется посредством методов просвещения, уведомления, предупреждения, упреждения, блокировки, исключения и т.д.

Таким образом, рассмотренные выше подсистемы социальной технологии (социально-технологической культуры) обеспечивают оптимизацию социального действия, т.е. осуществление его лучшего варианта как с точки зрения результативности, так и с точки зрения эффективности, т.е. минимизации затрат. Это достигается, в частности, благодаря:

- правильной и четкой формулировке целей действия, адекватных его функциональным возможностям (дальше всего пойдет тот, кто не знает, куда идти) и исключению неосуществимых целей;

- правильному определению точки приложения сил и исключению бесплодных усилий, бесполезных энергетических затрат;

- определению ориентиров действия, обеспечивающих организацию и мобилизацию энергетических усилий;

- следованию нормативным требованиям (правилам, ограничениям и запретам), исключающему возможность ошибок и нерациональное использование ресурсов;

- взвешенному пооперационному составу действия, исключению из него всего лишнего, ненужного (совершенство достигается не тогда, когда нечего добавить, а тогда, когда нечего убавить – А. Сент-Экзюпери);

- выбору лучшего варианта последовательности осуществляемых операций;

- выбору наиболее подходящего способа и метода осуществления социального действия.

Социально-технологическая культура – это многоуровневое образование и включает, по меньшей мере, три уровня: теоретический уровень – знание технологического регламента осуществления социального действия, поведенческий уровень – следование технологическому регламенту; эмоциональный уровень – уровень чувств и эмоций, сопровождающих как осознание технологического регламента социального действия, так и следование ему в реальных актах поведения. Чувства и эмоции возникают и проявляются, с одной стороны, на стыке теоретического и поведенческого уровней СТК как следствие их гармоничности или дисгармоничности, с другой стороны, они проявляются в самом поведении, оказывая на него определенное влияние: стимулирующее, сдерживающее, усиливающее или ослабляющее. Возможно и отклоняющее воздействие, когда эмоциональная сверхизбыточность уводит действие в сторону от намеченной траектории.

Возвращаясь к основаниям социально-технологической культуры, еще раз отметим ее гуманистические истоки. Они заключаются, во-первых, в стремлении к всестороннему учету фактора социального, человеческого взаимодействия. Уже само по себе это обстоятельство облагораживает жизнь людей, по меньшей мере, расширением и углублением их взаимопонимания. «Счастье – когда тебя понимают» – вывел персонаж фильма «Доживем до понедельника». Развитие взаимопонимания делает человеческую жизнь более счастливой. Во-вторых, в основании социально-технологической культуры – идея социализации, очеловечивания среды обитания, ее проектирования и развития по человеческим меркам.

В-третьих, социально-технологическая культура – это неизменная установка на максимальную реализацию человеческих ресурсов, их обогащение и развитие.

Наш отечественный менталитет забит до сих пор иррационально-мифологическими представлениями и установками, препятствующими утверждению новых, адекватных общественным изменениям форм поведения. Из этого утверждения не следует признание целесообразности рационализации сознания и поведения. Это не реально, да и не нужно. Иррационально-мифологический компонент занимает в структуре человеческой деятельности свое место, выполняет определенную позитивную роль. Мы выступаем за четкое разграничение компетенций и прерогатив рационального и иррационального компонентов сознания и поведения. Богу, как говорится, богово, а кесарю – кесарево. Отечественный менталитет отличается синкретичностью, невероятно запутанным переплетением рационального и иррационального компонентов, их функционально-смысловым смещением. Мы предлагаем вместо синкретичности их размежевание и мирное сосуществование, когда каждый компонент занимает свое, достойное место в структуре человеческой деятельности и не претендует на место другого. Они могут, образно говоря, посещать друг друга, сотрудничать и дружить друг с другом, не теряя при этом своей самобытности и «своего Я».

Проблема формирования и развития социально-технологической культуры имеет особенно актуальное значение для России. Если взять для сравнения западно-европейскую культуру, включая культуру США, то она уже в основном прошла стадию рационализации и сейчас в ней проявляется даже ностальгия по иррациональной романтике прошлого. Нам же этот путь рационализации предстоит еще пройти. Укажем здесь только на некоторые учебно-методические трудности в процессе формирования социально-технологической культуры.

Первая трудность – это трудность перевода социальной технологии как определенной системы научного знания в учебно-образовательную дисциплину. Сравнительно легче расписать принципы, процедуры, методы какого-либо социального действия, сложнее довести их до студентов, довести именно не в виде некоторой информации, а в виде утверждающихся в сознании принципов, процедур, методов осуществления данного действия.

Вторая трудность – это трудность обеспечения баланса теоретического и поведенческого уровней социально-технологической культуры. Традиционные технологии обучения настроены на теоретический уровень СТК и почти не затрагивают ее поведенческий уровень. Межуровневый дисбаланс в социально-технологической подготовке специалистов препятствует не только достижению ее конечной цели, но и дискредитирует в какой-то степени саму идею этой подготовки. В дневниках Валентина Овечкина есть такая запись: «Много у нас людей, любящих правду так, как можно любить сладкий чай или пирог. Они живут и в жизни своей любят ее потреблять. Дай им кусок правды, они съедят, оближутя и скажут: «Хороша правда, дайте еще кусочек». А нам нужны люди, умеющие делать правду. Правдоискательство, как и потребление правды, для нашего времени не годится». И тем более – добавим от себя – для нашего времени, нужны специалисты, не только знающие, как делать, но и умеющие и желающие это делать.